

подвластный им аппарат (за долгие годы неустанных прощаний «отступников от партийной веры») научились, со знанием готовых словесных формул: «Клевета на наш славный Ленин!» Сплошные петербургские трущобы и колодцы. Почему они не ездят только по разбитым улицам? Где новые светлые жилища? Или? Где сады и парки? Да и люди в фильме все несчастные! Должал свой рассказ Цуцукровский (см.: Мархасёв 2004).

В этой истории я склонен был считать свой разговор не с теми, кто издержками творческого процесса. Без вины виноватые, кто сматривал подобно рода реприманды как нашивки за раны, полученные в боях за правдивое отражение жизни на телевизионном экране: простой выговор — как красную нашивку (легкая ранение), строгий выговор — как золотую (тяжелое ранение). Мгновенный урон, который я понес, был связан с тем, что мне не разрешили возглавить делегацию сотрудников телевидения, которая шла в Чехословакию, и я не смог встретиться с моим другом И. Печениным, к тому времени уже работавшим Генеральным директором телевидения Чехословакии. Нашим планам разработать при участии двухстороннего многолетнего сотрудничества в области телевидения не суждено было осуществиться.

Да, телевидение — важнейший социальный институт, и потому оно не может обходиться без регулятивных кодексов, опирающихся на его практику и суммирующих общественные требования к нему, запросы, ожидания. Это аксиома, и спорить здесь не о чем. Беда и проблема в другом. Таких кодексов в реальности вещания не было, и нормативная сторона повседневного телепроизводства опиралась на неписаные, сокровенные правила немые «истины для посвященных». С помощью апокрифов тот же «всхлип»: зритель нас не поймет! было сравнительно легко замаскировать карьерные опасения, гражданскую вялость, служебный цинизм, творческую или административную бессилие, нежелание вступать в конфликт и бороться за истину и справедливость.

Расправы за совершение «проколов» делали свое дело. Именно они породили особую, ведомственную философию существования «без проколов». Это была явная ориентация не столько на раскрытие, сколько на сокращение возможностей телевидения, на спокойную жизнь без споров и риска, на служебное благополучие. Не следует забывать, что такая установка находила мощную поддержку в общественном климате недавно минувших лет. «Беспримечательный» директор студии, редактор, режиссер, автор имели больше шансов на продвижение, упорочение своего престижа, чем те, кто выбирал рискованные сюжеты и темы, жанры и творческие реше-

А зритель, со всеми его чувствованиями, потребностями, проблемами, интересовал носителей казенной философии менее всего. Зритель воспринимался отчужденно, превращался в абстракцию. Чем говорили, клялись его именем, но мало принимали во внимание его действительные запросы.

В итоге возникли две линии служебного поведения и соответственно профессиональной деятельности. Одна — творческая, креативная, инновативная. Ее высшая цель состояла в культурном обогащении, в завоевании сердец и душ зрителей. Носители творческого, лучше сказать «оттепельного», сознания сливались с «шедеврами» — мощным социально-культурным и социаль-но-политическим движением, выступавшим за необходимость перемен в жизни советского общества. Второй вид деятельности был противопоставлен по смыслу. С его помощью творческая инициатива подавлялась во имя сохранения идеологического статус-кво. Лицо была дивергенция целей. Наверное, по этой причине «игровое» поле осталось за консерваторами. Творцов рассеяли, перестили. Ренессанс не состоялся.

3.4.6. «Литературный вторник»

Передача «Литературный вторник», подготовленная Ленинградской студией телевидения и транслировавшаяся 4 января 1966 года, — апофеоз отношений студии с цензурой и партийными органами в лице Ленинградского обкома КПСС и аппарата ЦК КПСС. Московские теленачальники назвали ее «диверсионной вылазкой», хотя ее ма была совершенно мирной: сохранение традиций русской культуры в нашем языке — в разговорной речи, литературе, в старинных названиях городов и улиц. Редакторы и авторы передачи — И. Муравьева и Р. Копылова — пригласили профессиональных литераторов, литературоведов, ученых, которых считали причастными к теме, способными объяснить проблему для телевизионной аудитории. Передачи такого жанра тогда шли в эфир «живьем», без предварительной записи. Для того чтобы получалось что-то вроде неотрепированной беседы, непринужденного обмена мнениями, накануне участники обсуждения ход передачи, а в цензуру сдавались тезисы выступления.

Представляю слово редактору И. Муравьевой, которая проводила предварительное обсуждение «Литературного вторника» вместе с режиссером передачи Р. Сиротой: «Цензор из меня плохой, и когда меня спрашивали: „Можно ли говорить об этом?“ — я обычно отвечала: „Да“. Мне стыдно было, да и не хотелось выступать в роли запретиителя, даже смутно предчувствуя опасность. Д. Лихачев, в

частности, спросил меня, можно ли ему сказать о вкладе евреев в русскую культуру в конце XIX — начале XX веков. Я ответила утвердительно, несмотря на сомнения, высказанные режиссером» (Муравёва 1991: 166). Интересна деталь типично советского происхождения. Два участника передачи — Лихачёв и Волков — действительно встречались на этом «обговоре» друг в друга и вспоминали, что последний раз они встречались на Соловках... в роли заключённых (!) (Там же).

Произошедшее дальше было «не случайной случайностью». Люди, собранные редакторами в студии, едва началась передача спонтанно, думаю даже, неожиданно для себя, заговорили на боковую для нашей культуры тему без недомолвок и оговорок, называя вещи и явления своими именами, обычным, а не эзоповым языком. Сейчас любой из нас едва ли не всё, о чём шла речь в передаче, найдет в общедоступных газетах, журналах. «Но по тем временам» пишет И. Муравёва, — это было чем-то вроде взрыва в Смольном. Ведь сказанная во всеуслышание, неприкрытая, без всяких эзоповых игр правда на фоне постоянной лжи и полужли ошеломляет (Там же). Открытая дискуссия, попавшая в прямой эфир, взвинтила партийные власти.

Причин для бурного реагирования и последовавших экзекуций было две. Одна из них — выход за пределы разрешенного партийным разномыслия. Участники передачи говорили непредвзято, свободно, не чувствуя власти и давления цензуры; в форме, которую считали для себя приемлемой; прибегая к «непозволительным» словам на «нежелательных» лиц. Вторая причина — непредвиденное нарушение, казалось, незыблемого порядка подготовки и трансляции передач. Практически более чем на час всесоюзный эфир шел из-под контроля идеологического диктатора. (Вся эта история весьма красноречиво описана в партийном документе под названием «Записка Отдела пропаганды и агитации, культуры, науки и учебных заведений ЦК КПСС в связи с телепередачей Ленинградского телевидения "Литературный вторник"», датированном 16 февраля 1966 года, — см. Приложение 3.)

Потом кто-то говорил, что Н. Месяцеву, тогдашнему председателю Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР, позвонил главный идеолог партии Суслов и велел прекратить передачу. По моей версии, тревогу поднял Н. Пегов, в ту пору секретарь Моссовета, которому досталось за безудержные и реименования московских улиц. Пегов был человеком сановным, не привыкшим выслушивать упрёки в свой адрес. Он позвонил Месяцеву и сказал, что будет жаловаться в ЦК КПСС на выпад телевидения в его адрес. Но в любом случае какое-то шевеление «наверх»

уже в этот вечер происходило. И. Муравёва вспоминала, что во время трансляции передачи в аппаратной, где она сидела по обязанности, раздались «чрез громкую связь зычный голос Месяцева: «Не вываливай!» (Лихачёв)» Это соответствовало моменту, когда один из участников передачи (лингвист В. Иванов) иллюстрировал связь живого разговорного языка с литературой, ссылаясь на рассказ Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Указание Месяцева не возымело действия: посылать записку участникам передачи и просить их о том, чтобы они не очень расходились, Муравёва не стала.

Примерно в эти же минуты раздался телефонный звонок председателя в мою кабину, где я по монитору «подсматривал» генеральную речитацию программы «Горизонт», следя одновременно за прямой трансляцией передачи «Литературный вторник», признаюсь, полностью захватившей меня раскованностью ее участников и искренностью, с которой они говорили о наболевшем, атаковали культуру своей страны от давления идеологии. Месяцев просил меня, что я думаю о передаче. Мой ответ был скорее одобрительным. И тем не менее он предложил отключить передачу от Москвы, не прекращая трансляции в Ленинграде. Как это сделать, известно любому телевизионщику. Я ответил, что делать этого не стану, и предложил, чтобы отключение Москвы от Ленинграда было произведено с пульта Центрального телевидения. Не помню, что не сказал Месяцев напоследок, но после небольшой паузы наш разговор закончился. Положив трубку телефона, я понял: история в этом не закончится. Налицо были все признаки неконтролируемого цензурный выхода в эфир, эвфемически названного впоследствии в «Записке Отдела ЦК КПСС» нарушением «элементарной журналистской этики».

Уже на другой день стало известно, что передачу «Литературный вторник» будут обсуждать на заседании коллегии Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР. На подобные собрания полагалось приезжать с перечнем принятых или намечаемых мер и списком принесённых в жертву сотрудников. Список появлялся в тот же день с именами Муравёвой и Копыловой — редакторов передачи, освобождённых от работы на студии телевидения. Главное «аутодафе» состоялось в столице. Передачу обсуждали два дня, 7 и 8 января 1966 года. Сначала все прослушали передачу, записанную на пленку службой контроля радиотелевизионного эфира. Затем выступали «провинившиеся». Прения начались после обеда. Главными ораторами были члены коллегии и другие руководящие работники. Читатель имеет возможность не предвзято оценить достоинства и недостатки передачи путем зна-

100

[illegible][illegible][illegible]